Встреча в тайге

Место: Восточные Саяны, сплав по рекам Хойто-Ока и Ока, 1988 год

Действующие лица

Российская сторона:

- Командир – В. Первушин, кандидат в мастера спорта по водному туризму, инструктор туризма.
- Женя, Андрей, Марина и другие – члены туристской группы.

Гости:

- «Американец» - Е. Евтушенко.
- Джумбер Беташвили*, зампред Совета Министров Абхазии – друг Е. Евтушенко.
- Профессор из Солт-Лейк-Сити, переводчица, прочие американцы – подлинные действующие лица.

Сейчас никого не удивишь встречей с известным писателем или актером, был бы билет на творческий вечер. Необычность нашей встречи с Евгением Евтушенко в том, что она произошла в Восточных Саянах, в глухой тайге.

Завершался сложный поход по горной реке Хойто-Ока. Уже позади остались сложные пороги, тяжелая «пешка» через перевал с грузом 50 кг, радиальный выход к источникам Хойто-Гол. Впечатлений хватало и, казалось, уже ничем удивить нас невозможно. Тем не менее...

Хороший солнечный день, намечается дневка с баней перед выходом «в люди». В меру изможденная и сильно оборванная команда живет ожиданием предстоящего прощального банкета. До ближайшего жилья осталось всего 40 км по реке. На берегу живописно разбросаны катамараны, весла, спасжилеты, каски. На первый взгляд возникает ощущение, что произошла авария. При втором взгляде это ощущение усиливается, особенно благодаря немного безумным взглядам оголодавшей на пятисотграммовой раскладке* команды.

Командир возится у костра, в третий раз пытаюсь разжечь его с первой спички. Команда потерянно бродит по берегу, ошалев от неожиданного безделья...

Слышен стук мотора. Снизу показались моторки, в которых сидят инспекторы рыбнадзора в полной форме и еще какие-то ярко одетые люди.

«Американцы» – смело предположил Андрей (только ради иностранцев начальство может принарядить рыбинспектора, который обычно из всей формы носит только фуражку). Команду после похода с очень ограниченным по весу рационом удивить трудно – американцы, так американцы.

Встреча в тайге интересна всегда. Вот и моторки, покружив перед лагерем, по очереди уткнулись в гальку.

Высокий американец, первым выйдя из лодки, поздоровался на чистом русском языке. «Приехали посмотреть родные места?» – закинул удочку Андрей.

«Да, заодно привез своих американских друзей посмотреть места, где я жил, – ответил американец.

Контакты налаживались. Американца привлекла монументальная фигура начальника спасслужбы Жени, который в красных плавках и с красным платком на голове являлся, несомненно, украшением лагеря. «Вы похожи на пирата из моих детских снов» – заявил он Жене, пытаясь вместить его целиком в объектив фотоаппарата. «Вот только у Вас в глазах какой-то странный блеск» – с некоторой опаской произнес он.

Андрей был начеку: «Да у нас раскладка была всего 500 граммов на человека в день», сказал он, с надеждой глядя на американца.

«Так, значит, вы голодали?» – удивился тот.

Кажется, клюет... «Не то, чтобы голодали, но все-таки...» – дипломатично ответил Андрей, пытаясь через плечо американца заглянуть в лодку.

Американец попался сообразительный. Достав из лодки объемистый пластиковый пакет, он вручил его Андрею со словами: «Это Вам подарок от меня на прощальный ужин!».

Забыв поблагодарить американца, команда несколько минут все же крепилась, пытаясь поддерживать разговор. Однако, желание выяснить, чем же питаются в тайге американцы, оказалось сильнее. Результат досмотра превзошел все ожидания. Ошалевшая от щедрого подарка команда принялась хлопать американца по плечу, кто-то пытался вспомнить английские фразы, к месту и не к месту звучало «О-кей», «Хелло!». Началось оживление. Позвали командира.

«Подумаешь, американцев я не видел!» – думал в это время командир, с ожесточением сжигая в костре суточный запас дров.

На американца эта возня подействовала странно. Он стал подозрительно ко всем приглядываться, просил с ним сфотографироваться на память, и, не видя отклика, приходил во все большее изумление.

«Позвольте, я представлю вам своих друзей», - наконец, нерешительно произнес американец.

- Профессор русского языка из Солт-Лейк-Сити, США... Корреспондент журнала «Лайф»... Мой друг Джумбер Беташвили... Моя переводчица, она переводит на английский мой роман «Ягодные места»...

До инженеров, отвыкших за дисплеями компьютеров от мыслительного процесса, эта информация доходила с трудом. Роман «Ягодные места», как известно, написал Евгений Евтушенко. А причем здесь этот американец?

Наконец, кто-то догадался, что перед нами сам Евтушенко. Началось братание. Вполне удовлетворенный этим, Евгений Александрович сделался оживленным, стал непрерывно фотографировать всех своим «Никоном». Глядя на него, настоящие американцы тоже достали свою аппаратуру.

«Меня нельзя снимать – я работаю в «ящике»! – опередила их Марина. Американцы засмутились и убрали фотоаппараты.

Незаметно наступил вечер. Разгорелся костер. Стали делиться своими планами. «Нам бы до Зимы* добраться, а там на поезд», – это мы.

«А я фильм новый думаю снимать, о смерти Сталина», – Евтушенко. Он оценивающе оглядел наших девушек и заявил одной из них: «Ира, я Вас буду снимать в этом фильме. Дайте, пожалуйста, свой телефон!».

В ответ наши мужики попросили номера телефонов у американок. Отношения налаживались...

Совсем стемнело. Гости стали собираться, их лагерь был на той стороне реки. «Вы, конечно, хотите увидеть дом, где я родился?» – на прощание спросил Евтушенко. «Будете в Зиме – заходите...».

* Раскладка – суточный рацион еды на человека. Считается, что к такой раскладке привыкают несколько лет. А больший вес с собой взять не получается – всю еду почти на месяц приходится нести на себе и фактор веса становится определяющим.

* Зима – город на реке Саянская Ока, в котором родился Е. Евтушенко.

* Джумбер Беташвили погиб во время Грузино-Абхазской войны.

Джумберу Беташвили Крёстному отцу моего сына,
отцу трёх дочерей, потерянного без вести во время бессмысленной абхазско-грузинской войны.

С руками связанными, как злодей,

не горбясь, ты шёл вдоль руин,
самый красивый из всех людей
и даже из всех грузин.

Сухуми, который ты так любил,
теперь превратился в ад,
и память о всех поцелуях разбил
на сжатых губах приклад.

Лишь с причитаньями чья-то жена
кинулась от ворот,
и мандаринную дольку она
вложила в распухший рот.

И только прощально скрипнул причал,
где трупов гора - нагишом,
и только отчаянно закричал
павлин под чьим-то ножом.

Что было потом? Самосуд? Расстрел?
Но, может быть, ты ещё жив?
А я, как мой дом в Гульрипше, сгорел,
лишь похороны отложив.

А я за тебя остался, Джумбер,
в ещё не погасшем огне,
и дыма сожжёного СССР
из лёгких не выкашлять мне.

Мы все погорельцы. Мы - крики в ночи.
Я выжил. С ума не сошёл,
но страшновато бренчат ключи
от дома, который сожжён...
Е. Евтушенко
30 августа 1994